

Удивительно, что толстопуз случайно встретил Святого Меча. В оригинальном романе Лу Цянь не участвовал в этой войне. Узнав о гибели венценосного отца и наследного принца, он был заточен в дворцовых покоях тун-фэй, а затем с помощью Чжан Сы сбежал из дворца и сам отправился на гору Байсиншань учиться боевым искусствам. В этой же жизни Святой Меча сам спустился с гор в поисках ученика — вот уж поистине предначертанная судьбой связь! Согласно оригиналу, Лу Цяню потребовалось всего два с половиной года, чтобы освоить искусство владения мечом, а в дальнейшем он становился бы только сильнее, превращаясь в идеального Лун Аотяня. Лу Цзяо был в неимоверном восторге. В этой жизни наследный принц не погиб, толстопузу не придется взваливать на себя государственные дела, так что, даже если по характеру он немного напоминает хаски, это ведь не страшно... правда? Однако третий принц не взошел на престол, толстопуз не бежал, а значит, весь гарем, с которым князь Нин столкнулся во время скитаний в прошлой жизни, остался ни с чем? У Лу Цзяо все еще оставалась главная задача — «Сердечный трепет хладнокровного тирана». Но как ему выполнить её без гарема?

Лу Цзяо пощипывал за щеку Его Высочество, одновременно предаваясь размышлениям, как вдруг краем глаза заметил седовласого старика с юношеским лицом, который пристально наблюдает за ним. Кто этот старик? Лу Цзяо напряг память и вспомнил, что тот вроде бы глава какого-то клана.

— Так ты и есть тот самый Лу Цзяо, — глава Сюй не сводил глаз с Лу Цзяо.

Лу Цзяо тут же отдернул руку от щеки принца, выпрямился и вежливо ответил:

— Старший знает меня?

— Лу Цянь рассказывал, что ты велел ему пойти в ученики к Святому Меча.

— Ах да, — с улыбкой ответил Лу Цзяо. — Мы давно восхищались громким именем Святого Меча и, узнав, что старший Святой Меча...

Глава Сюй тут же перебил Лу Цзяо и, подняв руку, произнес:

— Прекрасно. А теперь вели ему признать учителем и меня. Этот парень упертый как бык, слушает только твоих советов. Моя «Техника шеста Синего Дракона» в поднебесном мире ничуть не уступает мастерству старика Цю! Я уже отошел от дел, но, видя, что у мальчишки редчайший дар, сделаю исключение и возьму его в ученики.

— Признать вас учителем? — Лу Цзяо опустил взгляд на драную клюку в руках главы Сюя...

— Что это за пренебрежительный взгляд?! — глава Сюй стукнул клюкой. — Мы обычно не таскаем с собой настоящее оружие, когда выходим в свет! Понятно?! Эта клюка — не оружие нашей фракции!

Лу Цзяо ничуть не возражал против того, чтобы Его Высочество освоил еще одно «ремесло», но усомнился:

— А может ли Его Высочество одновременно учиться у двух мастеров?

Святой Меча вскинул бровь:

— Мне-то всё равно. Боюсь только, Лу Цянь не снесет учений двух разных школ. Основы меча и шеста разительно отличаются и почти не пересекаются — вынести двойные лишения не

каждому по плечу.

— Мне тоже всё равно, — заявил глава Сюй. — Это ещё и на руку твоему парнишке.

— Не станут ли меч и шест противоречить друг другу? — с беспокойством спросил Лу Цзыяо.
— Обучение технике шеста не мешает Его Высочеству совершенствовать искусство владения мечом?

— Нет, — пояснил Святой Меча. — Опасность лишь в том, что у него не хватит сил и он ничему толком не научится.

Глава Сюй изо всех сил принялся хвалить себя:

— Внутренняя ци нашей Фракции Синего Дракона — чистейший ян! Чем больше тренируешься, тем больше сил! Мы не истощаем жизненную силу, как Секта Меча, не восстанавливая ян-юань. Стоит Секте Меча выдержать тяжелый бой, им подавай отдых на полмесяца, а мы — чем больше деремся, тем бодрее!

— Но если вы так молоды, почему вы совсем седой? — обеспокоенно спросил Лу Цзыяо.

— Ах ты паршивец, да ты специально цепляешься! — взрывался от ярости глава Сюй, гневно размахивая клюкой. — Мне девяносто семь лет! Я что, по-твоему, должен быть черноволосым?!

— Вам девяносто семь?! — Лу Цзыяо в шоке уставился на лицо старика, которому на вид было лет тридцать-сорок.

— Хм! — глава Сюй гордо задрал подбородок. — Ну что, не похоже?

Святой Меча с привычной язвительностью испортил триумф старого соперника:

— Выглядишь максимум на девяносто шесть.

— Ваше Высочество! — Лу Цзыяо повернулся к Лу Цяню. — Быстрее поклонись этому почтенному старцу и поприветствуй учителя!

Лу Цянь опешил и с сомнением, замешанным на легком отвращении, посмотрел на главу Сюя.

— Прошу, почтенный учитель, примите поклон вашего ученика! — Лу Цзыяо положил руку на затылок толстопуза и силой заставил его поклониться старцу.

Ну вот и отлично! В этой жизни у толстопуза на одного великого мастера-учителя больше!

Впрочем, в прошлой жизни князь Нин, похоже, обладал неким особым телосложением — тем самым, про которое Чжан Сы говорил как про «Телосложение гуйю», причем сильнейшим его типом.

Искусство владения мечом как раз помогало выводить избыток ян-юаня из организма Его Высочества. Но если в этой жизни он станет еще и осваивать внутреннее искусство шеста Синего Дракона, накапливающее ян-юань, то куда же деваться избытку этой энергии?

Лодка пристала к берегу. Лу Цзыяо перестал предаваться размышлениям — все его мысли были заняты тем, чтобы вернуть Пятого детеныша целым и невредимым.

Раньше он опасался хитростей со стороны киданей, но теперь, когда их сопровождали два

титана боевых искусств, переживать особо не приходилось.

Оба мастера изначально планировали силой выкрасть или отбить пятого принца, но обмен заложниками упрощал дело. Явиться с детьми прямо во вражеский лагерь — вот это уверенность!

Остатки киданьских войск уже давно безопасно отступили с поля боя. На берегу реки для обмена заложниками остались лишь два киданьских батальона и один военачальник.

От первого посланника, отправленного киданями в лагерь армии Ци, до сих пор не было вестей. Второй посланник переправился через реку два дня назад и тоже еще не вернулся.

Кидани уже решили, что армия Ци пожертвовала своим пятым принцем, нарушила клятву и убила их единственного оставшегося принца. Они никак не ожидали, что в этот день группа «старых и немощных» доставит их киданьского принца целым и невредимым.

Потерпев сокрушительное поражение, киданьский военачальник уже не помышлял о провокациях. Увидев, что киданьский принц вернулся невредимым, он без лишних слов повел ханьцев к их пятому принцу.

Подойдя к шатру, где содержался пятый принц, Лу Цзыяо сквозь плотный войлок услышал, как пятый принц во весь голос декламирует стихи:

— «Чаша мутного вина, а до дома — тысячи ли; пока на горе Яньрань не высечена победа, возврата нет...»

— «Устремляю взор ввысь, стенаю к небесам, сердце полнится отвагой. Тридцать лет заслуг — лишь прах и прах, восемь тысяч ли дорог — под облаками и луной...»

— Забирайте его скорее и уходите, — киданьский генерал взглядом торопил Лу Цзыяо и остальных.

— Почему у пятого принца такой охрипший голос?! — гневно запротестовал Лу Цзыяо. — Вы издевались над заложником!

Киданьский генерал состряпал выразительную мину:

— Попробуй сам болтать без остановки по шестнадцать часов в день, у любого голос сядет.

Лу Цзыяо не знал, что возразить. Хотя его Пятый детеныш отличался болтливостью, но это же вражеский лагерь! Не мог же пятый принц сойтись с врагами настолько близко, чтобы трепаться по шестнадцать часов в сутки?

На самом же деле пятому принцу в этом лагере действительно не с кем было поговорить.

Полагая, что венценосный отец решил пожертвовать им ради того, чтобы истребить королевский род киданей, пятый принц проживал каждый день как последний перед казнью, ежеминутно выкрикивая пафосные предсмертные речи.

Во-первых, чтобы придать себе храбрости, а во-вторых — чтобы оставить врагам непреклонный и бесстрашный образ члена императорского дома Великой Ци.

Кто бы мог подумать, что за полмесяца кидани так и не тронут его. Пятый принц сорвал голос своими воплями, и, к счастью, Лу Цзыяо подоспел вовремя, спасая его от неловкости.

Откинув полог шатра, Лу Цзыяо едва узнал этого неряшливого мужика, сидевшего со скрещенными ногами на ковре с закрытыми глазами и заросшим щетиной лицом.

— При жизни будь героем, после смерти... — услышав, что кто-то вошел, пятый принц, не открывая глаз, вновь принялся за декламацию своих героических предсмертных слов.

— Пятый? — Лу Цянь первым узнал родного брата.

Пятый принц опешил. Закрыв глаза, он ненадолго замер, а затем горько ухмыльнулся:

— Снова галлюцинация? Седьмой брат, если ты меня слышишь, позаботься за меня о матушке хуэй-фэй. Впредь пятый больше не сможет... м-м-м!

Пятый принц не успел договорить, как седьмой принц зажал ему рот:

— Вернемся и поговоришь, пятый. Они уже сворачивают лагерь.

Это и вправду голос седьмого брата!

Пятый принц распахнул глаза, как в замедленной съемке поднял со слезами на глазах голову и с глубокой тоской уставился на седьмого брата.

Седьмой брат исхудал по сравнению с тем, каким был в его памяти, а черты его лица стали гораздо мужественнее.

— Седьмой! Это правда ты! — пятый принц резко подскочил и сжал руку Седьмого. — Ты пришел забрать своего пятого брата?!

— Нет, я просто пришел проведать родственника, гляну и уйду, — с холодным видом ответил седьмой принц.

Видя, как глуповатый пятый брат на глазах бледнеет, седьмой принц перестал шутить и серьезно произнес:

— Выменянный киданьский принц говорит поменьше тебя, пятый, сделка кажется вполне выгодной. Но...

Пятый принц растерянно посмотрел на брата.

— ...но он не умеет декламировать твою любимую «Всю реку в багрянце», пятый, — Лу Цянь взглянул на брата. — А что до матушки хуэй-фэй, лучше уж ты сам о ней позаботишься.

Лу Цзыяо подошел к пятому принцу, поправил его растрепавшийся пучок на голове и со слезами на глазах тихо проговорил:

— Нам пора возвращаться, пятый принц. Все ждут вас.

Простояв перед лицом неумолимой смерти больше полумесяца и проявив храбрость на протяжении всего этого времени, пятый принц в самом конце этой героической эпопеи вдруг громко разрыдался.

Он сгреб в охапку Лу Цзыяо и седьмого брата и, всхлипывая, пожаловался:

— Ну почему вы так долго?!

<http://bllate.org/book/18379/1767210>